

УДК 364

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-106-114

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ В РОССИИ

Богатов В.В.*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В представленной статье рассматриваются проблемы формирования институтов социальной помощи в России, проводится их историко-теоретический анализ. Выявляются особенности государственных и частных институтов социальной помощи в разные периоды российской истории, осуществляется их сравнение. На основе проведенного анализа автором сделан вывод об институционализации социальной помощи как системе обеспечения социального благополучия нуждающихся людей.

Ключевые слова: институты социальной помощи, благотворительность, социальное признание.

FORMATION OF SOCIAL ASSISTANCE INSTITUTIONS IN RUSSIA

V. Bogatov*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article considers the problems of formation of social assistance institutions in Russia. The historical-theoretical analysis of them is carried out. The peculiarities of public and private institutions of social assistance in different periods of the Russian history are singled out, their comparison is made. On the basis of the conducted analysis the author concludes that the social assistance is institutionalized as a system of social welfare of the people in need.

Key words: social assistance institutions, charity, social care.

Характер развития общественно-экономических отношений обусловил институциональные условия генерирования социальной помощи в России. Формированию институтов социальной помощи сопутствуют давние традиции и неразрывная связь с историей развития общества. Существуют научные подходы к определению социальных институтов, в том числе институтов-субъектов социальной помощи. Наиболее распространенным в современной общественной науке является нормативный подход. Сторонники такого подхода, отталкиваясь от этимологии слова (лат. *institutum* обозначает установление, учреждение, т.е. введенная властью некая юридическая норма), отождествляют институты и нормы. Вместе с тем наиболее продуктивным представляется иная трактовка социального института: как исторически сложившейся, устойчивой организации совместной деятельности людей [1].

При таком понимании следует выделить социальные институты формальные или государственные, регулируемые правовым полем и неформальные частные, являющиеся в большей мере институтами гражданской помощи. Совокупность социальных институтов образует институциональную систему помощи.

Первая ступень эволюции институтов помощи и поддержки в России – система помощи и взаимопомощи у славян до X в. В этой системе ещё не прослеживается чёткая градация между государственными и частными институтами. Основные формы социальной помощи в древнем славянском обществе проявлялись в виде культовых форм поддержки с сакральными атрибутами, в общественно-родовых и хозяйственных формах помощи и взаимопомощи. Система помощи складывалась из высоких добродетелей как «сверху», так и «снизу». Взаимопомощь эффективно использовалась внутри семьи, рода в форме социального призрения, помощи натуральными продуктами, хозяйственной помощи в семейно-бытовой сфере. Данный период общинно-родового строя в развитии социальной помощи на Руси основан не на юридических, а на морально-нравственных принципах.

Со временем институт общинной помощи Древней Руси преобразуется в новые формы социальной помощи. Первое существенное преобразование произошло в X–XIII вв. в связи с изменением социокультурной ситуации: разрушением родоплеменных отношений, на которых базировалась прежняя модель социальной помощи. Внесло свою лепту и христианство, с появлением которого изменились об-

щественные отношения, подтолкнувшие к развитию благотворительность. Именно в этот период весомую роль в системе социальной помощи начинает играть церковный аппарат и усиливается роль князя, обладающего возможностями для обеспечения защиты и попечительства. Основной задачей попечения становится «питание», т.е. поддержание жизни подопечного. За неимением закрепленных финансовых механизмов данная форма поддержки носит спонтанный характер. Это выражалось и в объеме «десятины», предназначенной на содержание монастырей, церквей, больниц, богаделен, на прием странников и неимущих [12, с. 76–87]. Рассматривая значение десятины, исследователь Г.Н. Ульянова оценивает ее как основу подаяния (дара, милостыни). «Краеугольным камнем формирования стереотипа подаяния была десятина, или десятая часть имущества, как род дара в пользу храма. С течением времени произошел перенос значения, и десятина стала пониматься как дар, угодный Богу, приносимый верующими в пользу малоимущих» [10, с. 52]. Но история христианства говорит о том, что церковную десятину не стоит рассматривать как основу формирования стереотипа подаяния. Общий сбор в пользу церкви шел, в основном, на развитие самой церкви, а не на помощь малоимущим. Лишь адресные подаяния (милостыня) являлись конкретным даром нищим людям, возродив в X в. институт нищелюбия (человеколюбия).

Можно заметить, что в период формирования государства характерно было прямое управление институтами помощи и социально уязвимыми группами населения. Управление эти-

ми институтами включало князя, церковь и ряд специфических институтов помощи и родовых традиций. Христианство принесло свои каноны милосердия, а централизованная власть стала развивать социальную политику в отношении субъектов, не связанных родовыми связями. Система помощи состояла из таких институтов, как княжеское благотворение и нищелюбие, церковно-христианское милосердие и общинная самопомощь.

Одним из дискуссионных моментов изучения периода средневековья является вопрос о княжеской помощи. Её можно принять за благотворительность или отнести к государственной социальной помощи. Если княжеская помощь принимается как частная благотворительность, то сужается сфера властной социальной помощи, что ведет к неоправданному занижению роли государства как одного из субъектов социальной помощи в данный исторический период. Е.Д. Максимов видел в княжеской помощи благотворительность, не связанную с государственными обязанностями и опосредованную нравственными и религиозными побуждениями [8]. Б.А. Сутырин и К.В. Кузьмин считают, что княжеская помощь была не обязанностью, а правом государя, осуществлялась добровольно и поэтому не может рассматриваться как помощь государства [6, с. 155]. В.И. Горемыкина видит в социальной помощи князей элементы властного призрения. Действия князей, по ее мнению, были средством воздействия на общественное сознание в целях укрепления собственного авторитета и политического влияния [5]. Очевидно, что княжеская помощь – одна из разновидностей властной

(государственной) помощи, имеющая специфический характер в силу особенностей государственной власти при феодализме. Справедливо отметить, что княжеская помощь являлась инструментом в поддержании авторитета власти и одним из способов ослабления социальной напряженности.

Деятельность князей и церкви помогла распространению в обществе идей милосердия и добродетели, однако с установлением ордынского ига ситуация поменялась. Ослабленной государственной власти становилось всё сложнее контролировать церковь, отошедшую от благотворительности и приумножившую свой авторитет в достаточной степени, чтобы стать конкурентом государства в экономической сфере. Кроме того, всё ещё остро стояли проблемы голода и эпидемий, в результате чего был легализован институт нищенства. Система помощи также претерпевает изменения. В Московском государстве она складывается из деятельности трех субъектов: государства, вынужденного законодательно санкционировать защиту нищих; церкви, где Стоглавый Собор в 1551 г. регламентировал церковную жизнедеятельность и запретил сбор милостыни как промысел «чернцам», попам и мирянам; а также частных лиц. Община полностью выпала из сферы социальной деятельности.

Государство как институт-субъект социальной помощи в период феодализма реализовывало свои функции однотипно и не было готово (социально, политически, экономически, организационно) к системным действиям по социальной поддержке населения. Государственная активность возрастала лишь в периоды чрезвычайных

ситуаций, осуществляя регулирующие функции в части социальной помощи, при этом расширяя полномочия церкви как субъекта социальной поддержки. По мере укрепления государства происходит усиление его роли как института социальной помощи. Объектами, нуждающимися в помощи, оказались очень многие категории населения: люди церкви, служилые и неслужилые люди, вольные люди, холопы, вдовы и малолетние дети. В эпоху правления царя Алексея Михайловича (1645–1676 гг.) «нищепитательство» было возведено в ранг государственной политики. Под опеку государства были взяты практически все группы нищих. Те, кто побирался незаконно, путем обмана, признавались изгоями. Помимо государственной, светскую поддержку нуждающимся начали осуществлять частные благотворители: строить больницы для неимущих, принимать участие в борьбе с голодом. Так, Ф.М. Ртищев (1626–1673 гг.) вошел в историю тем, что выкупал русских пленных и оказывал помощь вражеским воинам, вынося с поля боя не только своих, но и чужих раненых. То есть, исполнялись функции будущего Красного Креста, до появления и укоренения идей которого оставалось ещё двести лет. Ф.М. Ртищев впервые в России создал частный амбулаторный приют для нуждающихся и инициировал создание социальной медицины – «лечить безденежно». Спустя годы заведения такого типа в виде стационаров и госпиталей зародили институт современного здравоохранения.

По-настоящему масштабные преобразования в процессе развития институтов социальной помощи начались в эпоху империи Петра I (1689–1725 гг.).

Переход к европейской модели помощи обозначал смену концепта: переход от принципов христианского милосердия к идеологии общественной пользы. Прежняя система общественного призрения не соответствовала веянию времени. Именно поэтому в период петровских реформ был взят курс на создание самостоятельной светской системы призрения.

Изменились субъекты помощи. Теперь ими стали Монастырский приказ (восстановлен 24 января 1701 г.), призванный первоначально «осуществлять надзор за нищими и убогими и призирать отставных военных»; Святейший Правительствующий Синод (1721 г.), к компетенции которого относилась деятельность по организации богаделен, и магистраты, которые должны были участвовать в государственном самоуправлении на местах [12, с. 209]. Спектр объектов социальной помощи также значительно расширился. К числу нуждающихся в помощи были законодательно отнесены сырые, больные, увечные, убогие, «престарелые люди обоего пола», убогие и оставшиеся без родителей дети, зазорные младенцы, подкидыши, престарелые и здравия лишенные, воинские чины, «престарелые и дряхлые граждане». Как альтернатива ниществу открылись смирительные и прядильные дома для мужчин и женщин соответственно, городские богадельни – для престарелых граждан, «гошпитали» и сиротские дома для широкого круга призреваемых, лазареты при странноприемницах для увечных воинов [3, с. 39]. И, хотя общественное призрение не входило в число государственных приоритетов того времени, увеличение разнообразия социаль-

ной помощи по сравнению с опытом прошлых лет было очевидно. Нищие отныне рассматривались как «паразиты», существующие за счет других людей, поэтому профессиональные нищие, люди «непотребного жития» и женщины «непотребного жития» вошли в число социальных изгоев [12, с. 214]. Можно утверждать, что накопленные в прошлом социальные проблемы начали решаться последовательно и разносторонне. Именно в Петровскую эпоху началось масштабное преобразование социальной помощи, приблизившее её к тому варианту социальной работы, который мы имеем на сегодняшний день.

Во времена Екатерины II социальная помощь не сошла с проложенного Петром курса. Напротив, получила поддержку императорского дома и была дополнена идеями христианской поддержки. В сеть российских учреждений социальной помощи входили: лечебные заведения, включая дома для умалишенных и больницы; заведения призрения, инвалидные дома, а также богадельни; учебно-воспитательные заведения; благотворительные общества и институты пансионеров [12, с. 224]. Все эти социальные учреждения помощи населению пока еще не имели четкой организационной структуры и не могли в полной мере удовлетворить всех нуждающихся. В то же время данная система социального призрения оказалась довольно устойчивой и в общих чертах сохранилась до наших дней.

Продолжила дело Екатерины II императрица Мария Федоровна – супруга Павла I, с именем которой связан важный этап в истории институционализации социальной помощи. Императри-

ца не только открывала и возглавляла благотворительные и учебные заведения, воспитательные дома, но и заботилась о развитии их деятельности. С начала 1800-х гг. в Петербурге, Москве и других городах России под её покровительством создавались и действовали учебно-воспитательные учреждения, вдовьи дома, больницы для бедных, училища для солдатских дочерей и нижних морских чинов, а также военно-сиротский институт. При участии Марии Федоровны появились Императорское женское патриотическое общество и попечительство «Инвалидный капитал» [3, с. 42–43].

Активно развивается в этот период и двухкогортный институт благотворительности. Первая когорта – благотворительные общества, иницируемые властью. Так, в 1802 г. в Петербурге при активном содействии императора Александра I образовано Благотворительное общество, которое в 1814 г. было переименовано в Императорское человеколюбивое общество. Разработана программа социальной деятельности Общества, основные направления которой заключались в домовом призрении бедных больных, открытии диспансеров, в том числе специализированных, помощи пострадавшим, организации инфекционных больниц, призрении людей с природными дефектами развития. К 1913 г. в Обществе насчитывалось 274 благотворительных учреждения в двух столицах и 37 губерниях. [3, с. 48]. Человеколюбивое общество силами своих учреждений оказывало благотворительную помощь бедным людям независимо от пола, возраста и вероисповедания: в случае рождения младенца, по воспитанию детей, лечению больных и престарелых.

Вторая когорта – частная благотворительная деятельность. С 1813 г. основатель газеты «Русский инвалид» П.П. (П.П.) Помиан-Пезаровиус занимался сбором средств. Газета устраивала благотворительные вечера с частными пожертвованиями и была поддержана царской семьей. Собираемые деньги шли как на развитие газеты, так и на выплату денежного пособия 1200 инвалидам [12, с. 233].

Особое место в истории отечественного благотворения принадлежит В.Ф. Одоевскому (1804–1869), который организовывал в Петербурге и за его пределами филантропические учреждения. По его инициативе в 1846 г. было создано Общество посещения бедных, где применялись нетрадиционные для России подходы в организации социальной помощи: господствовал принцип общественного долга и трудовых начал. С именем Одоевского связано создание детских приютов в Москве, Петербурге и других российских городах [12, с. 235].

Яркий пример социальной благотворительности демонстрирует доктор Ф.П. Гааз, благодаря которому была открыта Полицейская больница для бесприютных. По инициативе доктора Гааза была организована «скорая помощь» для людей с улицы. И если раньше больных, бесприютных доставляли в полицейский участок, то теперь – в Полицейскую больницу. Правом вызова «скорой помощи» пользовались полицейские, дворники и ночные сторожа. Излечившимся бесприютным помогали устраиваться в жизни, иногородним выправляли паспорта. Престарелых определяли в богадельни, крестьян отправляли в родные места, осиротевших детей отдавали на воспи-

тание [4]. Лозунг жизни Гааза – крылатая фраза: «Торопитесь делать добро!» – актуален и поныне.

XIX в. знаменателен развитием в России частных социальных отношений, связанных с меценатством и благотворительностью. Создаются благотворительные общества, фонды, осуществляющие воспитание и обучение детей, лечение больных и престарелых. Расширяется социальная база благотворительности за счет включения в данную деятельность купеческого сословия. Меценаты-благотворители служат замечательным вдохновляющим примером подвижничества, бескорыстия и милосердия. По выражению русского философа Н.О. Лосского, среди богатых промышленников и купцов были такие, которые как бы стыдились своего богатства и поэтому среди них было много меценатов и жертвователей больших сумм на социальные учреждения [7, с. 135]. Сегодня категорию стыда заменило понятие «социальной ответственности бизнеса». Владельцы яхт, недвижимости и футбольных команд лишь только начинают проявлять социальную ответственность и участвовать в благотворительной практике.

Анализируя формирование государственных и частных институтов социальной помощи в России, можно отметить, что каждый из них имел в разные периоды российской истории свои особенности и вызывал неоднозначную оценку исследователей [11, с. 131]. Система социальной помощи менялась много раз, усложняясь и приобретая всё новые черты, но при этом решая проблемы, сохранившие свою актуальность и сегодня. Институты социальной помощи формировались в

ходе исторического развития как кон- структ духовно-когнитивных помога- ющих практик.

В условиях рыночной экономики институты государственной и частной социальной помощи становятся необ- ходимыми элементами общественной системы. Они направлены на защиту людей прежде всего от неблагоприят- ного воздействия социальных рисков. Оказание государственной социаль- ной помощи осуществляется органами социальной защиты населения (соглас- но ФЗ от 17.07.99 № 178 «О государ- ственной социальной помощи») по от- ношению к нуждающимся: старикам, пенсионерам, инвалидам, тяжело- больным, детям, людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию и т.п. Между тем тревогу вызывает то, что «армия» клиентов социальной работы продолжает расти. Сегодня более 40% населения России испытывают «само- ощущение бедности». Об этом говорят как представители государственной власти, так и социологи. Уровень бед- ности в России в 2016 г. составил 13,5% (в 2015 г. – 13,3%), что подтвердила на Российском инвестиционном форуме в Сочи в феврале 2017 г. вице-премьер правительства РФ Ольга Голодец. По её словам, в России фиксируется уникаль-

ное явление – работающие бедные.

Отрадно при этом, что возрастает доля россиян, делающих частные по- жертвования. Если в 2014 г. доля бла- готворителей составляла 9%, то в 2015 г. их число выросло в двое. По данным фонда Charities Aid Foundation, в 2016 г. около 50% взрослого трудоспособ- ного населения России эпизодически совершали денежные пожертвования разнообразным благотворительным организациям. В абсолютных числах это соответствует 37 млн. человек.

Жизнь показывает, что опора толь- ко на государственные институты в деле социальной помощи себя не оправдывает. На современном этапе общественного развития частные до- бровольческие инициативы становят- ся все более решающими [2, с. 161]. Формирование гражданского обще- ства, системы его институтов, спосо- бов и методов взаимодействия с госу- дарством – сложный, неоднозначный, но непрерывный процесс, в котором активно изменяются и человек, и госу- дарство, и общество [9, с. 104]. Акту- альность деятельности государствен- ных и частных институтов социальной помощи в России не вызывает сомне- ний, однако процесс их институциали- зации еще далек от завершения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А.В. Политический институт и политическая институционализация: опре- деление понятий // Власть. 2010. № 5. С. 53–55.
2. Богатов В.В. Гражданское общество и социальное волонтерство // Вестник Москов- ского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2016. № 3. С. 154–162.
3. Благотворительность в России и государственная политика: монография / Отв. ред. С.С. Сулакшин. М.: Научный эксперт, 2013. 224 с.
4. Вашкау Н.Э. «Святой доктор» Федор Петрович Гааз // Вестник Волгоградского госу- дарственного университета. Серия: История. 2012. № 2. С. 26–31.
5. Горемыкина В.И. Классовый и политический характер «нищелюбия» древнерусских кня- зей // Вопросы истории: межвузовский сборник (Вып. 2). Минск: БГУ, 1975. С. 22–31.

6. Кузьмин К. В., Сутырин Б. А. История социальной работы за рубежом и в России (с древности и до начала XX века). М.: Трикта: Академический проект, 2015. 624 с.
7. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М.: Политиздат, 1991. 367 с.
8. Максимов Е. Д. Историко-статистический очерк благотворительности и общественного призрения в России. СПб.: [б.и.], 1894. 243 с.
9. Современная российская политика: институты, процессы и технологии / Отв. ред. В.Г. Егоров. М.: МГОУ, 2016. 328 с.
10. Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX века. М.: Наука, 2005. 403 с.
11. Федорченко С.Н. К вопросу об эволюции человечества в бесконечном будущем // Категориальная сущность и эволюция человечества в мегаистории и в бесконечном будущем. М.: Научный эксперт, 2011. С. 131–132.
12. Фирсов М.В. История социальной работы. М.: КНОРУС, 2016. 400 с.

REFERENCES

1. Abramov A.V. Politicheskii institut i politicheskaya institutsionalizatsiya: opredelenie ponyatii [Political institutions and political institutionalization: defining the concepts]. In: *Vlast'*, 2010, no. 5, pp. 53–55.
2. Bogatov V.V. Grazhdanskoe obshchestvo i sotsial'noe volonterstvo [Civil society and social volunteering]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, Seriya: Pedagogika, 2016, no. 3, pp. 154–162.
3. Blagotvoritel'nost' v Rossii i gosudarstvennaya politika [Charity in Russia and public policy: monograph, editor-in-chief S.S. Sulakshin]. Moscow, Nauchnyi ekspert, 2013. 224 p.
4. Vashkau N.E. «Svyatoi doktor» Fedor Petrovich Gaaz ["Holy doctor" Fedor Petrovich Haas]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, Seriya: Istoriya, 2012, no. 2, pp. 26–31.
5. Goremykina V.I. Klassovyi i politicheskii kharakter «nishchelyubiya» drevnerusskikh knyazei [The class and political nature of the "love for begging" of the princes in ancient Russia] *Voprosy istorii: mezhvuzovskii sbornik (Vyp. 2)* [Questions of history: the interuniversity collection (Vol. 2)]. Minsk, BGU, 1975, pp. 22–31.
6. Kuz'min K. V., Sutyurin B. A. Istoriya sotsial'noi raboty za rubezhom i v Rossii (s drevnosti i do nachala XX veka) [The history of social work abroad and in Russia (from antiquity to the beginning of the XX century)]. Moscow, Triкта; Akademicheskii proekt, 2015. 624 p.
7. Losskii N.O. Usloviya absolyutnogo dobra [The conditions of the absolute good]. Moscow, Politizdat, 1991. 367 p.
8. Maksimov E. D. Istoriko-statisticheskii ocherk blagotvoritel'nosti i obshchestvennogo prizreniya v Rossii [Historical and statistical sketch of charity and public welfare in Russia]. St. Petersburg, [b.i.], 1894. 243 p.
9. Sovremennaya rossiiskaya politika: instituty, protsessy i tekhnologii [Contemporary Russian politics: institutions, processes, and technology, editor-in-chief V.G. Egorov]. Moscow, MGOU, 2016. 328 p.
10. Ul'yanova G. N. Blagotvoritel'nost' v Rossiiskoi imperii. XIX – nachalo XX veka [Philanthropy in the Russian Empire. XIX – beginning of the XX century]. Moscow, Nauka, 2005. 403 p.
11. Fedorchenko S.N. K voprosu ob evolyutsii chelovechestva v beskonechnom budushchem [To the question of the evolution of mankind in the infinite future] *Kategorial'naya sushchnost' i evolyutsiya chelovechestva v megaistorii i v beskonechnom budushchem* [Categorical essence and evolution of mankind in Megastore and in the infinite future]. Moscow, Nauchnyi ekspert, 2011, pp. 131–132
12. Firsov M.V. Istoriya sotsial'noi raboty.[The history of social work]. Moscow, KNORUS, 2016. 400 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Богатов Владимир Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной работы Московского государственного областного университета;
e-mail: v_bog_v@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir V. Bogatov – candidate of historical sciences, associate professor of the department Social Work of Moscow Region State University;
e-mail: v_bog_v@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Богатов В.В. Формирование институтов социальной помощи в России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 3. С. 106–114.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-106-114

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

V. Bogatov. Formation of social assistance institutions in Russia. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 3, pp. 106–114.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-106-114